

ДЛЯ МЕНЯ ОН ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ

Всякий раз, когда я вспоминаю обстоятельства нашей последней встречи с Андреем Владимировичем, у меня возникает чувство их необычности. Возможно это потому, что теперь я понимаю: это была именно последняя встреча, я прощался навсегда с дорогим мне человеком. Он позвонил мне за несколько дней до юбилейной конференции и пригласил приехать. Я уже более года не бывал в Москве, был нездоров, очень занят, но Андрей Владимирович настаивал. Он напомнил мне о 75-летнем юбилее Бориса Федоровича Ломова, 30-летию Института психологии и его собственном своеобразном юбилее – пятьдесят лет назад он поступил в университет.

Эти несколько дней на конференции Андрей Владимирович, как и всегда, был очень занят, нам удалось поговорить совсем немного. Мне он показался в чем-то неуловимо изменившимся. Как будто он принял какое-то важное решение, и теперь ему спокойно и хорошо, а разные мелкие трудности и неприятности, возникающие по ходу дела, столь незначительны, что совсем не заслуживают внимания. В заключительном выступлении у него даже прозвучали слова о том, что в следующем юбилее он, возможно, уже не будет принимать участия. Это последнее его замечание мне очень не понравилось, и я решил при прощании сказать ему об этом.

30 января начала работу V-я Всероссийская конференция РПО, было очень интересно, много встреч со старыми друзьями, много новых знакомств. Вечером я уже должен был уезжать домой, и перед уходом с конференции вызвал Андрея Владимировича в коридор. Он был все такой же – благодухный и умиротворенный. В коридоре нам поговорить не дали, он, как всегда, был многим нужен, решались неотложные дела. А утром на следующий день мне позвонили и сообщили о его гибели... Я потерял друга и учителя, который многие годы поддерживал наши исследования, помогал справиться с трудностями, очень деликатно направлял наши поиски. И я, и мои сотрудники прекрасно понимаем, что наши работы по практическому мышлению сложились во многом под влиянием этого выдающегося учёного. Об этом я и хочу написать, не пытаясь полностью раскрыть эту тему, а скорее вспоминая наши встречи, обсуждения, впечатления от новых тогда работ и дискуссий по ним.

Однажды приняв участие в моей судьбе, Андрей Владимирович сохранил на все последующие

годы своё шефское отношение ко мне и к нашим работам. Как человек высокой культуры, получивший образование у самых выдающихся учёных – психологов и философов, он видел сделанное нами в значительно более широком контексте и старался направлять наши усилия. Моё физматовское образование и знание заводской жизни, видимо, были интересны Андрею Владимировичу.

Наверное, со мной было трудно. Довольно часто мои исследовательские шаги начинались с осознания того, что существует некоторый феномен или зависимость, но я довольно неясно их описывал, не сразу находил доказательства, допускал промахи в интерпретации. А.В. Брушлинский всегда был исключительно терпелив, деликатен, демократичен, прост и доступен. Но когда дело касалось принципиальных научных положений, он был исключительно твёрд.

Мы обычно звонили друг другу по телефону, довольно редко писали большие письма, встречались и беседовали в его кабинете или на конференциях. Говорили о многом, но, так или иначе, постоянно спорили. Например, я “привозил” какой-то очередной наш результат, радостно излагал его и спешил повернуть всё таким образом, чтобы в нашем споре я был прав. Он же, со своей стороны, сначала радовался вместе со мной нашим успехам, а затем приводил (сразу или позднее) очень убедительные доводы, подтверждающие (снова, в который раз!) его правоту. Возмущённый, я вновь принимался за поиски, переполняемый энергией и желанием наконец-то “победить” своего неуязвимого противника: приблизительно такой была схема наших взаимоотношений. Важно, что в ходе моей “борьбы” я попутно находил много интересных и важных вещей, прямо не относящихся к нашему спору. Основные же тезисы наших дискуссий были чрезвычайно общи: например, А.В. Брушлинский считал, что нет никакого практического мышления, так как невозможно указать критерии его выделения; что не может быть невербализуемого, “молчаливого” знания, ибо мышление неразрывно связано с речью и т.п.

В ходе нашей “вечной” дискуссии и происходило моё обучение и воспитание, за что я и благодарю Судьбу. В итоге мне удалось многое узнать, до некоторой степени преодолеть природную ленность моего ума и разбросанность интересов. Очень важно, что во всём остальном Андрей Вла-

димирович был добр и мягок. Он знал многое о *моей жизни, с ним можно было поделиться, будучи уверенным, что тебя не предадут. Не было ни одного случая, когда бы Андрей Владимирович остался равнодушен к моим радостям или бедам, — это был самый искренний и верный мой друг.*

Наше знакомство с Андреем Владимировичем состоялось в 1969 г. благодаря ходатайству замечательного российского психолога и организатора психологической науки Эмилии Александровны Фарапоновой. Я приехал в Институт философии, мы прошли в зал заседаний, там Андрей Владимирович, прохаживаясь передо мной по проходу, говорил о прочитанных накануне моих статьях. При этом критиковались не мои эксперименты, а понятие модели, которое я тогда использовал в интерпретации результатов и которое мне очень нравилось. На этой встрече он подарил мне отпечатки своих статей и книгу “Культурно-историческая теория мышления”. В дарственной надписи говорилось: “... к вопросу о принципиальных трудностях на пути моделирования... в области психологии”. Эта книга произвела на меня сильное впечатление, её параграф о понятиях и построении психологической науки перечитывался неоднократно, а поля исписаны моими вопросами и возражениями.

Весной 1970 г. А.В. Брушлинский выступал оппонентом на моей защите у нас в Ярославле. Конечно же, я помню все подробности тех дней... На следующий день после защиты он пригласил на дружеский ужин Н.П. Ерастова, В.Д. Шадрикова и меня. За столом разгорелся спор. Заядлый и прирожденный спорщик Шадриков доказывал специфичность мышления руководителей и рабочих на заводе, Брушлинский возражал, Ерастов старался примирить спорщиков, а я отмалчивался. Тема казалась мне надуманной, неактуальной. Я и не подозревал, что уже через несколько лет эта тема — мышление в производственной деятельности, а затем — практическое мышление — станет для меня самой важной и интересной.

Впоследствии я понял, что Андрею Владимировичу важно было отстоять идею единого мышления, на которую, в общем-то, Владимир Дмитриевич и не посягал. Тезис о едином мышлении действительно очень важен. При таком взгляде на проблему практическое мышление может быть рассмотрено как вид мышления, и тогда возникнет вопрос о том, какова природа этого единого мышления, обладающего в своих разных видах-проявлениях столь различающимися свойствами. Может быть, разнонаправленность мышления, при предъявлении к нему неодинаковых требований, актуализирует и выявляет различные его возможности и свойства. Или же именно практическое мышление в своих наиболее ярких проявлениях является наиболее полным выражением

мышления, а другие его виды всего лишь упрощенный вариант. Чтобы ответить на этот вопрос, требуется рассмотреть мышление в его более сложных формах, в широком контексте с привлечением новых данных, а пока важно помнить, что мышление едино.

В 1972 г. А.В. Брушлинский приезжал к нам на психологический факультет недавно созданного университета и читал лекции по мышлению второкурсникам. В тот период эта помощь была для нас исключительно важна, так как все мы были начинающими преподавателями психологии. Но ещё важнее потому, что лекции по мышлению студентам читал известный специалист по психологии мышления, представитель знаменитой научной школы России. С этого времени началась и наша переписка, Андрей Владимирович дарил свои книги и статьи “для строгой критики”, как он писал в дарственной надписи.

С первых лет работы на факультете психологии ЯрГУ я стал участвовать в хозяйственных исследованиях. Работа на заводе давала нам возможность покупать современное оборудование и ездить в командировки, предоставлять базу для студенческой практики и исследовательской работы. Очень важно было и то, что мы получали возможность прямого выхода результатов наших исследований в практику, самой жёсткой критики в случае неудачи и настоящего одобрения в случае удачи. Исследования частично были посвящены оптимизации деятельности руководителя на производстве, и это давало мне возможность начать исследования мышления руководителя.

В условиях производства невозможно было изучать “мышление вообще”, оно было переплетено с самой производственной деятельностью, поэтому и наши описания, и наша интерпретация результатов рассматривали мышление в контексте деятельности и возникающим из нее. При этом появилось много интересного, в чём-то неожиданного и в картине мыслительного процесса. Так, испытуемые одну и ту же ситуацию видели по-разному, проблемная для одного — она могла не вызывать трудностей у другого. Испытуемые сами обнаруживали проблемность и определяли содержание задачи, которую им предстояло решать, они могли “искать” проблемность в ситуации, а могли игнорировать уже замеченные возмущения. Обнаруживалась и значительная методическая трудность в исследовании мышления на производстве: нередко испытуемые не могли словесно выражать свои мысли; часто мы не знали, какую задачу решает наш испытуемый или не понимали его. По материалам этих исследований к 1980 г. вышел первый сборник статей.

А.В. Брушлинский активно откликнулся на наши исследования. Я стал постоянным участником его теоретических семинаров, обсуждал на них

интереснейшие доклады, выступал также и сам со своими результатами. О некоторых из них я еще расскажу. Но важно, что уже в следующий наш сборник Андрей Владимирович согласился представить свою статью по волнующей нас проблематике. В сборнике 1981 г. была опубликована статья А.В. Брушлинского “Проблема деятельности и психология мышления”. В ней Андрей Владимирович раскрыл некоторые основные принципы, которыми важно руководствоваться при изучении практического мышления. При этом он явно учел специфику наших исследований, трудности, с которыми мы сталкивались. “В качестве деятельности, – писал Брушлинский, – выступает труд, игра, учение и т.д., в процессе которых человеческая психика не только проявляется, но и формируется, поднимаясь на всё более высокие уровни своего развития. В ходе трудовой, учебной, игровой и прочей деятельности человек формирует также и своё мышление. Рассмотрим этот вопрос более подробно, поскольку он представляет наибольший интерес для данного сборника статей” [3, с. 5].

Это была очень важная в то время статья. Вопрос о взаимосвязи мышления и деятельности был запутан; например, мышление тоже было деятельностью, и тогда для трудовой или спортивной деятельности нужно было добавлять слово “реальная”. Сказать: мышление включено в деятельность – было затруднительно, это было равносильно тому, что мыслительная деятельность включена в деятельность... Когда в том же 1981 году одновременно с нашим сборником появилась столь важная для нас статья Б.Ф. Ломова [7], мы гордились тем, что наш сборник уже использует её основные идеи, а сами они по-своему и ярко раскрываются в заглавной статье А.В. Брушлинского.

В своей статье А.В. Брушлинский широко ссылался на работы С.Л. Рубинштейна, хорошо нам знакомые, но он раскрывал их современное звучание и понимание. “У человека формируется единое, универсальное мышление, и внутри этого единства существуют различные взаимосвязанные уровни умственной деятельности... Можно и нужно различать практическую (специально трудовую) и теоретическую (специально познавательную) деятельность. Они образуют, собственно, единую деятельность человека, поскольку теоретическая деятельность выделяется в особую деятельность из первоначально единой практической деятельности, и её продукты, результаты затем снова включаются в практическую деятельность как условие развития последней. Так, мышление и вообще вся психика в целом формируются и проявляются в ходе непрерывного взаимодействия человека с миром – прежде всего, в процессе исторически развивающейся деятельности (трудовой, учебной, эстетической и т.д.)” [3, 8, 9].

Очень важным было представление об универсальном мышлении и его уровнях, о единой деятельности человека и взаимодействии её частей – теоретической и практической. Существенны были также указания на различные виды деятельности: трудовая, учебная, эстетическая и т. д. Известный тезис Рубинштейна о непрерывном взаимодействии человека с миром также очень интересно раскрывался в статье. “Психика, – писал Брушлинский, – это всегда неразрывная связь индивида с миром: – высший уровень отражения действительности и потому высший тип регуляции всей жизни человека” [3, с. 4]. Таким образом, психика и мышление служат не только для того, чтобы верно отражать действительность, но и для того, чтобы регулировать деятельность человека, опираясь на адекватное отражение действительности; возможно, мышление несколько по-разному отражает ее в ходе регулирования разных видов деятельности.

Отсюда делается и следующий важный шаг в рассуждениях Андрея Владимировича: “На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром всё психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т.д.” [1, с. 7].

Для нас такое понимание важнейшего методологического принципа было исключительно привлекательным и важным. Мышление как важная часть психического управляет деятельностью и поэтому его нужно изучать через эту деятельность и во взаимодействии с нею. В другом месте он пишет: “... для того, чтобы стать объектом психологического исследования (познания), человек (испытываемый) в ходе эксперимента, наблюдения, самонаблюдения должен выполнять определённую – хотя бы простейшую – деятельность” [3, с. 4]. Непонятно было – почему же “хотя бы простейшую”? Нам казалось важным, чтобы наш испытываемый выполнял именно трудовую, учебную или эстетическую деятельность. Говоря о закономерностях мышления, выявляемых в общей психологии и психологии труда, Брушлинский подчеркивает, что «в первом из указанных двух

случаев изучаются наиболее существенные, всеобщие свойства, фиксируемые в абстрактных определениях, в “чистом виде”, а во втором случае эти абстрактные определения вводятся во всё более конкретные условия, соответственно видоизменяясь и получая новую специализированную форму проявления» [3, с. 7].

Эти рассуждения Андрея Владимировича, по нашему мнению, несколько противоречили им же сформулированным принципам. Почему наиболее существенные всеобщие свойства нужно изучать в “чистом” виде, абстрагируясь от деятельности? Нам казалось, что важны и всеобщие закономерности взаимосвязи мышления с деятельностью, что и в этой области существуют как фундаментальные общепсихологические закономерности, так и их конкретные проявления в прикладных областях.

Наша дискуссия на эту тему продолжалась и впоследствии; нам казалось, что мы правы, на нашей стороне был Рубинштейн, который считал “абстрагирование от привходящих обстоятельств” временным шагом в изучении мышления, предполагая затем исследование повседневного мышления “в ходе повседневной практической деятельности. Укоренённость его в ход жизни, повседневную практическую деятельность” [11, с. 232].

Интересно отметить, что в 2001 г., когда я составлял хрестоматию по практическому мышлению и собирался поместить там статью А.В. Брушлинского 1981 г., он предложил вместо неё включить его работу 2000 г. “Деятельность субъекта как единство теории и практики” [1]. В этой статье мы с гордостью читали наши имена: «Известные работы С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова и др., продолженные в настоящее время, в частности, исследованиями Ю.К. Корнилова, А.В. Карпова и других психологов, убедительно показали, что нет “пропасти” между практическим интеллектом и теоретическим мышлением» [1].

Сейчас я перечитываю эту статью Андрея Владимировича и поражаюсь: я вижу её совсем иначе, чем при первом прочтении. Тогда я замечал только некоторые разногласия в наших представлениях, спешил выстраивать возражения... Сейчас я понимаю, что он одобряет наши усилия и поддерживает нас. И снова даёт пищу для ума своей идеей субъектности. И почему “нет пропасти”? Я никогда не писал и не предполагал чего-либо подобного, всегда был приверженцем концепции единого мышления. Меня лишь интересовало, как осуществляется оно, какова его природа...

... Многие наши встречи с Андреем Владимировичем запомнились как радостные, приятные, весёлые. Когда он впервые приехал на факультет, после лекций я привел его в нашу лабораторию мышления, где торжественно висели портреты С.Л. Рубинштейна и Ж. Пиаже, написанные по

специальному заказу профессиональными художниками. Оценив все достоинства лаборатории, он не без юмора поинтересовался, зачем мы повесили портрет Алексея Толстого, и указал на Пиаже. Скопированный с обложки книги Флейвелла, он был мало похож на Пиаже, которого А.В. встречал на конгрессе в Москве.

А на следующей нашей встрече, в Москве, мы гуляли в каком-то красивом парке, я рассказывал о наших исследованиях, новых результатах, а он, как всегда, одобрял, критиковал. И теперь проблема вербализации для меня навсегда звучит очень радостно и празднично, как исполнявшаяся тогда по радио Первая симфония Гайдна.

В сентябре 1984 г. мы проводили в Ярославском университете всесоюзную конференцию “Мышление и общение в производственной деятельности”. И это тоже были солнечные сентябрьские дни, много гостей, среди которых запомнились П. Тульviste и А.П. Назаретян, В.А. Моляко и В.Л. Васильев, Л.Л. Гурова, А.И. Нафтульев и В.П. Фоминых. Андрей Владимирович тогда впервые побывал у меня дома, но поговорить не удалось: я был организатором конференции. По итогам заслушанных докладов был подготовлен сборник статей. Как это часто бывает, объем был превышен, требовалось сокращать статьи. Меня тогда удивила статья А.В. Брушлинского: несмотря на довольно большой размер, она была настолько монолитна, что я не смог найти ни строчки для сокращения – каждая фраза работала, всё было переплетено и увязано.

Содержание этой работы, интересное и важное во многих отношениях, было весьма существенным для нас, изучающих практическое мышление. “Необходимо всегда и полностью учитывать, – писал он, – что вышеупомянутый принцип общения изначально подразумевает социальность не только субъект – субъектных, но и субъект – объектных взаимодействий”. Далее на ряде примеров он рассматривал некоторые случаи искажения принципа детерминизма и возникающие при этом трудности. Так, А.В. Брушлинский анализирует работу Л.С. Выготского “Орудие и знак в развитии ребёнка”, в которой показано, «что сначала маленькие дети проходят натуральную (по существу животную, не социальную) стадию своего психического развития, например, в ходе функционирования и формирования практического интеллекта... Благодаря только тому, что речь, знак включается или “вдвигается” в манипулирование ребёнком внешними предметами, осуществляется переход от натуральной к культурной (социальной) стадии психического развития, т.е. от низших к высшим психическим функциям» [2].

Брушлинский обращается к тому месту в тексте Выготского, которое и у нас вызывало сильные сомнения. Речь, по Выготскому, начинает

выполнять даже функции мышления, планирования действия и т.п. «Причём сначала, – пишет Брушлинский, – практическая задача решается лишь в речевом плане, с помощью “речевого планирования” и только потом совершается “моторная реализация подготовленного решения”, т.е. речь оказывается первичной по отношению к специфически человеческому практическому действию». Справедливо подчёркивая, что планирование и решение задач осуществляются не речью, а мышлением, что планирует и решает проблемы человек в процессе своего мышления, он пишет далее: развитие ребёнка во взрослого – это постепенное восхождение на всё более высокие ступени и стадии одной и той же, всецело *человеческой* жизни, осуществляемое в ходе игровой, учебной, трудовой деятельности и общения: “Только в таких реальных жизненных условиях общения и изначально *практической* деятельности маленькие дети овладевают языком и речью. Слово, обозначающее ту или иную вещь, *первично* зависит от восприятия этой вещи, от практического контакта с ней в реальной ситуации общения, и уже вторично, по мере своего формирования, слово начинает влиять на выделение определённых сторон в восприятии предмета, на их объединение и т.д. Именно так в данном случае конкретизируется общая проблема деятельности...”. У Выготского же «... слово-знак выступало настолько мощным фактором “социализации” натуральной психики ребёнка, что само по себе – вне связи с изначально практической деятельностью – обеспечивало своё “внедрение” в детскую психику. Даже специально занимаясь проблемой *практического* интеллекта у детей, он, как мы видели, сразу же *подчинил* развитие такого интеллекта изначально решающему влиянию *речи*» [2, с. 10-11].

Мне хотелось обратить внимание только на эту очень важную часть статьи. Исследования практического мышления как бы снова ставили перед нами основные, классические вопросы о природе мышления и деятельности, их нужно было решать адекватно нашим новым результатам. По нашим данным, практическое мышление с трудом вербализуется, иногда это – вовсе “молчаливое знание” [9]. Но ведь оно *должно* быть неразрывно связано с речью! По-видимому, характер этой связи несколько иной, чем это обычно представляется... Работа Брушлинского подсказывала путь к объяснению.

Интересно читать в связи со сказанным статью Н.Н. Мехтихановой [8], которая была посвящена исследованию вербализуемости–невербализуемости в ходе исследования мышления в лаборатории и на производстве, и критику этой статьи А.В. Брушлинским. Сначала Андрей Владимирович подчёркивает достоинства работы: хорошо и интересно начато сопоставление разных условий для мышления, самонаблюдение

справедливо стало предметом довольно подробного анализа, здесь же сказано – очень верно и глубоко – о “размазанности”, размытости появления мысли и т.п. И сразу же даётся критика с самых разных позиций, автору предлагается очень подробно и на многих конкретных примерах раскрыть более ярко и весомо... В итоге у критикуемого возникает полная картина исследуемой проблемы во всей ее сложности.

Удивительно еще и другое. Обычно очень точный, деликатный, политичный в своих текстах и выступлениях, здесь он – откровенный, прямой, а иногда и категоричный, что, казалось бы, так не похоже на Андрея Владимировича. Таким же он часто бывал и в наших разговорах. Очень часто он искал решение наших проблем вместе с нами. Запомнилось, как он подчёркивал, что характеристика практической деятельности как материальной, а теоретической как идеальной по характеру продукта, составляющего её цель, не определяет состава практической и теоретической деятельности [10, с. 258]. На одном из его замечательных семинаров я рассказывал о том, что знание того или иного свойства в практическом мышлении нередко не отделено от самого познающего субъекта, от его индивидуальных способов познания. И мы потом вместе придумывали название этой особенности практического мышления. Сначала Андрей Владимирович предложил говорить о “персонифицированности”, а потом мы остановились на термине “индивидуализированность”. Сегодня его термин мне кажется более удачным: ведь, по сути, речь идет об одном из проявлений субъектности [5].

Наша характеристика начальных этапов практического мышления долго вызывала возражения А.В. Брушлинского. Он был согласен, что в практической деятельности никто не формулирует задачу для субъекта, но не мог согласиться, что задача субъектом может и не формулироваться. Ему казалась неправильным, что профессионал нередко “ищет” проблемы, возмущения или симптомы их приближения, т.е. как бы “ищет проблемные ситуации”, но позднее он даже нашёл у С.Л. Рубинштейна интересные мысли на эту тему. Недизъюнктивность мышления нам казалась совершенно правильной особенностью мышления, ведь и в практическом мышлении субъект имеет дело с “зонной” заданностью “условий” задачи [1, 6].

Андрей Владимирович не успел сказать своё мнение о моей последней книжке. Хотя я и сам, зная его, кажется, мог бы сказать, где и что его бы не устраивало, за что и как он стал бы меня критиковать. В целом же, наверное, он одобрил и её и нашу хрестоматию...

Для меня он продолжает жить: критиковать, спорить, поддерживать, – всё такой же добрый и

надёжный друг и учитель, веселый и остроумный собеседник. В наши времена, когда так часто лишь создаётся видимость чего-то, все, что было связано с Андреем Владимировичем, было подлинным, полноценным, настоящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 6. С. 5–11.
2. *Брушлинский А.В.* Принцип детерминизма и психология мышления // Мышление. Общение. Практика. Ярославль, 1986. С. 7–18.
3. *Брушлинский А.В.* Проблема деятельности и психология мышления // Мышление и общение в производственной деятельности. Ярославль, 1981.
4. *Брушлинский А.В.* Проблема непрерывного – прерывного в науках о человеке // Мышление и общение: активное взаимодействие с миром. Ярославль, 1988. С. 47–52.
5. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М., 1996.
6. *Корнилов Ю.К.* Психология практического мышления. Ярославль, 2000.
7. *Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психол. журн. 1981. № 5. С. 3–22.
8. *Мехтиханова Н.Н.* Исследование практического мышления: методические проблемы // Практическое мышление и опыт: ситуативность и инструментальность обобщений. Ярославль, 2000. С. 114–134.
9. *Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний.* Ярославль, 1977.
10. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Л., 1957.
11. *Рубинштейн С.Л.* Очередные задачи психологического исследования мышления // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.

*Ю.К. Корнилов,
доктор психол. наук, ЯрГУ,
Ярославль*